

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА «СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ»

Возняк Владимир Сергеевич

volim_s@ukr.net

*Дрогобычский государственный педагогический
университет имени Ивана Франко
(Дрогобыч, Украина)*

Wozniak Vladimir

volim_s@ukr.net

*Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University
(Drohobych, Ukraine)*

Аннотация. В статье анализируется диалектическая природа «способности суждения», как она представлена в философии Канта. «Способность суждения» есть собственно ум как таковой, как сугубо конкретное мышление, как самостоятельный поиск применения общего правила к отдельному случаю, поэтому здесь неминуемо присутствует диалектика общего, особенного и единичного. Тем самым «способность суждения» свидетельствует о наличии собственно диалектического типа мышления в самих глубинах человеческого ума. Рассмотрена работа «способности суждения» в нравственном самоопределении человека. Акцентируется внимание на философско-педагогическом значении формирования «способности суждения».

Ключевые слова: мышление, способность суждения, диалектика, абстрактное, конкретное, категории, педагогика.

Введение

Диалектическое мышление, как известно, не является «изобретением» Гегеля, поскольку диалектические идеи пронизывают всю историю философии. Гегель же доводит диалектику до собственно логики, до рафинированной систематической формы через развертывание движения категорий, приводя науку о мышлении (Логик) в соответствие в тем реальным мышлением, которое реализуется не в актах говорения, а в деятельности человечества, производящего грандиозное тело культуры и цивилизации. В структуре мышления принято различать уровни рассудка и разума. Считается, что рассудок ограничен формальной логикой, разум же работает сугубо диа-

лектически. При этом, однако, полагают, что разум развивается на основе рассудка как необходимой ступени. Однако в активности рассудочной формы обнаруживается нечто такое, что никак не укладывается в каноны обычной логики, формальной. Это – «способность суждения», как ее понимает Иммануил Кант в «Критике чистого разума». Представляется весьма интересным сосредоточить внимание именно на этой способности, которая выявляет *уже внутри и в пределах рассудка* свою явную диалектическую природу.

Методология

В статье используется диалектико-логическая методология, поскольку выявлять диалектическую природу «способности суждения» каким-либо иным способом было бы неуместным. Диалектика как логика и теория познания предполагает сознательное категориально-рефлексивное движение, которое должно быть постоянно обращенным не только на предмет, но и на сам способ постижения предмета, формы вхождения его содержания в знание, в мышление о нем.

Кантовская «способность суждения» в рецепции Э.В. Ильенкова

В своих работах Эвальд Васильевич Ильенков не раз обращался к кантовской интерпретации способности суждения в «Критике чистого разума», в первую очередь относительно проблем педагогики [1]. В свою очередь это давало ему возможность содержательно ответить на вопрос: почему и как школа должна учить мыслить.

Хочется еще раз вернуться к Канту. Кенигсбергский мыслитель пишет: «Если рассудок вообще провозглашается способностью устанавливать правила, то способность суждения есть умение *подводить* под правила, т. е. различать, подчинено ли нечто данному правилу <...> или нет. Общая логика не содержит и не может содержать никаких предписаний для способности суждения. В самом деле, так как *она отвлекается от всякого содержания познания*, то на ее долю остается только задача аналитически разъяснить одну лишь форму познания в понятиях, суждениях и умозаключениях и тем самым устанавливать формальные правила всякого применения рассудка. Если бы она захотела показать в общей форме, как подводить под эти правила, т. е. различать, подчинено ли нечто им или нет, то это можно было бы сделать опять-таки только с помощью правила. Но правило именно потому, что оно есть правило, снова требует наставления со стороны способности суждения; таким образом, оказывается, что, хотя

рассудок и способен к поучению посредством правил и усвоению их, тем не менее способность суждения есть особый дар, который требует упражнения, но которому научиться нельзя. Вот почему способность суждения есть отличительная черта так называемого природного ума <...> и отсутствие его нельзя восполнить никакой школой, так как школа может и ограниченному рассудку дать и как бы вдолбить в него сколько угодно правил, заимствованных у других, но способность правильно пользоваться ими должна быть присуща даже школьнику, и если нет этого естественного дара, то никакие правила, которые были бы предписаны ему с этой целью, не гарантируют его от ошибочного применения их» [3, с. 217-218]. И далее Кант замечает: «Отсутствие способности суждения есть, собственно, то, что называют глупостью, и против этого недостатка нет лекарства. Тупой или ограниченный ум, которому недостает лишь надлежащей силы рассудка и собственных понятий, может обучением достигнуть даже учености. Но так как в таких случаях подобным людям обычно недостает способности суждения <...>, то нередко можно встретить весьма учёных мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток» [3, с. 218].

Во всем согласен с Кантом Э.В. Ильенков: «Верно, что способность (умение) мыслить невозможно “вдолбить” в череп в виде суммы “правил”, рецептов и – как любят теперь выражаться – “алгоритмов”. Человек все же остается человеком, хотя кое-кто и хотел бы превратить его в “машину”. В виде “алгоритмов” в череп можно “вложить” лишь механический, то есть очень глупый “ум” счетчика-вычислителя, но не ум математика» [1].

Правда, в одном пункте Э.В. Ильенков принципиально расходится с Кантом, а именно – в его утверждении, что способность суждения является отличительной чертой «природного ума», что это «особый дар», которому *научиться нельзя*. Ум никоим образом не является природным, врожденным свойством человека, он активно формируется в процессе индивидуального развития. Поэтому именно ему и следует *учить*, ему надо *учиться*. Каким же образом? – «Надо организовать процесс усвоения знаний, процесс усвоения умственной культуры так, как организует его тысячи лет лучший учитель – жизнь. А именно так, чтобы в ходе этого процесса ребенок постоянно был вынужден тренировать не только (и даже не столько) “память”, сколько способность самостоятельно решать задачи, требующие мышления в собственном и точном смысле слова – “силы суждения”, умения решать – подходит данный случай под усвоенные ранее “правила” или нет, а если нет – то как тут быть?» [1]. Именно *противоречие* становится движущей силой ума: «<...> всякий действительный вопрос, вырастающий из гущи жизни и неразрешимый при помощи уже

отработанных, привычных и заштампованных рутинных способов, всегда формулируется для сознания как формально-неразрешимое противоречие. А еще точнее – как “логическое” противоречие, неразрешимое чисто логическими средствами, – то есть рядом чисто механических, машинообразных операций над ранее заученными “понятиями” (а еще точнее – над “терминами”)» [1].

Следовательно, чтобы школа обрела способность учить мыслить, она должна владеть категорией «противоречие». А это уже – *диалектика*. Значит, *педагогическое мышление*, отвечающее своему сущностному призванию, должно быть откровенно диалектическим.

Нынешняя же педагогика намертво срослась с пресловутой триадой «знания, умения, навыки», поэтому ей до диалектики – «дистанция огромного размера». Получается, что знать – это не уметь, а уметь – не знать. Сперва даются знания в виде готовых решений, правил, а уж затем – умения их применять в том или ином случае (лучше – на наглядных примерах). Иногда же «знания» из этой триады трактуются как простая информация. Где уж при таких «раскладах» быть озабоченным формированием «способности суждения»... Да и ведает ли теоретическая и практическая педагогика о такой способности, хотя бы что-либо слышала о ней?

Загадочность «способности суждения»

И все же сама *способность суждения* остается некоторой *загадкой*. Сказал Кант: это умение подводить под правила, однако для самого такого умения нет и быть не может никакого правила (правда, отсутствие готовых правил – уже «правило»). Легко было Канту объявить такую способность просто «природным умом». Способность суждения либо есть (тогда в наличии ум), либо нет (имеем дело с глупостью).

На загадочность и даже непонятность кантовской способности суждения указывает Мераб Мамардашвили. В этой связи небезынтересным представляется обратиться к трактовке М.К. Мамардашвили кантовской «способности суждения» в его «Кантианских вариациях»: «Само то, что некоторый частный случай мы можем увидеть как частный случай какого-то закона, есть еще один акт, не являющийся просто содержанием закона. Существует содержание закона, а еще мы каким-то актом видим, что вот этот частный случай является частным случаем закона. И это видение для Канта равнозначно тому, что мы способны судить. А люди, которые не могут видеть законы в этих частных случаях, не способны судить, или, в просторечии, они просто глупые. Мы видим, что под способностью суждения Кант понимает далее неразложимую способность, являющуюся послед-

ним аргументом. Ведь мы дальше констатации того, что человек глуп, уже не идем; сам факт употребления слова «глупость» говорит о том, что мы дальше ничего не объясняем, не доказываем – глуп человек... Так вот, ученое название глупости – это отсутствие способности суждения. И, следовательно, ученое название ума – способность суждения. Однако в других случаях Кант говорит, что есть еще способность суждения в особом варианте. В области эстетики и телеологии есть случаи способности суждения, когда частный случай подводится под несуществующий закон» [4, с. 89].

Итак, согласно утверждению М.К. Мамардашвили, у Канта способность суждения является «неразложимой способностью», «последним аргументом». И далее философ прямо утверждает о непонятности этой способности: «<...> если мы не философствуем или философствуем плохо, то оказываемся очень психологичными в наших восприятиях. Мы проецируем все на некоторую таблицу наших способностей как психологических существ. Тем более, что в психологии фигурирует термин “способность”. И мы проскакиваем: глуп, умен, способность суждения... Нам кажется это необязательным аргументом, мы останавливаемся на психологической понятности. Но это самое опасное – останавливаться на видимой понятности, тем самым мы сразу психологически замыкаем понимание. И конечно, непонятное в этом смысле было бы плодотворней, чем понятное. Непонятное не дает нам остановиться... Вы видите, что тема способности суждения фигурирует в самых разных, неожиданных смыслах. Чувствуется, что Кант признает за этой способностью какую-то привилегию. Она есть как бы средостение всех других способностей, отдельно невыделяемое и неанализируемое. А если рассматривать отдельно, то становится совершенно непонятно» [4, с. 89]. То, что способность суждения является «как бы средостением всех других способностей» – мысль замечательная. К ней мы еще вернемся.

А вот сейчас попробуем разобраться с «непонятностью» способности суждения. Наличие ее является собственно *умом*. Что же такое ум, мышление?

Мышление не есть простое оперирование какими-то общими правилами, не есть абстрактное применение тех или иных правил к реальности. Мышлением является деятельность *сообразно сути дела*, способность человека осуществлять деятельность в согласии с объективными законами реальности. Для обеспечения этой сообразности, этого согласия субъект должен не просто прикладывать имеющуюся у него мерку к тому или иному предмету, а *преобразовывать форму своего движения* таким образом, чтобы она была адекватна способу самодвижения предмета, его природе и сущности. А это и есть *идеальное* – деятельность в идеальном плане.

Думать, мыслить – значит толково, со знанием дела *изменять схему, форму, траекторию своей активности*, предельно приближая ее к *сути дела*. Быть собственно мыслящим существом, субъектом мышления – означает не набрасывать свою форму, схему, «правило» на реальность, предмет, ситуацию, а быть предельно озабоченным *согласованием двух форм* – формы собственного движения со всегда конкретной конфигурацией ситуации. Последнюю необходимо увидеть в ее собственном бытии. Вот почему для способности суждения нет и быть не может правила правильного подведения под правило (да простит меня читатель за такую тавтологию, впрочем – вполне уместную).

Вот М.К. Мамардашвили пишет: «На одной из лекций я говорил вам, что мы, зная, что такое добро, никогда не можем из этого знания прийти к тому, чтобы определить добро в конкретной ситуации. Мы как бы заново должны его увидеть, и когда мы его увидим, оно будет соответствовать понятию добра. Но подвести ситуацию под закон доброты, тем самым устанавливая добро в частных случаях, где все чудовищным образом переплетается, мы не можем. То, что нам приходится объясняться, говорить, что я на самом деле хороший, а не плохой, – является признаком, что понимание не может состояться, понимание того, что и как есть на самом деле. Ведь на самом деле кто-то прав, кто-то виноват» [4, с. 91]. – Совершенно верно. Подведение ситуации под «закон доброты» ничего нам не дает, здесь еще отсутствует мышление. Мышление необходимо для того, чтобы разобраться «в частных случаях, где все чудовищным образом переплетается», где все сугубо конкретно, многолико. Искать *единство в этом многообразии* – значит стать на путь *ума*. Правда, нельзя утверждать, что знание того, что такое добро, никоим образом не помогает нам в этом.

Виды всеобщего и «способность суждения»

Следует уяснить, что любые правила являются чем-то *абстрактно-общим*, поэтому простое подведение реальности под то или иное правило не ведет и не может привести к истине: на то оно и абстрактно-общее, что под него подходит почти все что угодно.

Способность суждения останется непонятной и загадочной, если мы не будем различать *абстрактно-общее* и *конкретно-всеобщее* (чего Кант не делает). Мыслить – значит искать и находить вполне *конкретную всеобщность* в реальности, в предмете, ситуации: единство многообразного, способ формирования единичного, и тогда оно предстает как особенное. Если способность суждения является способностью мыслить особенное как подчиненное общему, то различение двух видов общности имеет принципиаль-

ное значение. Способность суждения как способ осуществления ума содержит в себе все тонкости *диалектики* всеобщего, особенного и единичного, которая срабатывает даже тогда, когда мы явно не осознаем ее.

Способность воспринимать, схватывать, видеть конкретную всеобщность присуща и младенцу – задолго до овладения речью. Э.В. Ильенков полагает что, сознание у ребенка начинается не с *отражения материального*, а именно *идеального*: не просто вещно-пространственные характеристики вещи, а, говоря по-платоновски, *эйдос* – вот что ухватывает младенец. Эйдос является «смысловым изваянием вещи» (А.Ф. Лосев). Ребенок схватывает смысл предмета – в первую очередь вещей обихода и игрушек. *Смысл* же предмета обихода (к примеру, ложки) заключен в его месте и роли (функции, значении) в составе совместно-разделенной деятельности ребенка со взрослыми. Ребенок не производит обобщений по формально-эмпирическому типу (поиск повторяющегося признака у многих предметов данного класса). Как любил говорить Э.В. Ильенков, чтобы понять, что такое ложка, достаточно одной-единственной ложки. Смысл (эйдос) предмета обихода – вот типичнейший случай подлинно *конкретно-всеобщего* как единства многообразия: значение того или иного предмета в составе определенной целостности.

Потрясающе важную роль в самой способности суждения играет *воображение*. Увидеть конкретную суть предмета (ситуации) помогает именно воображение: предмет (например, обихода) *возводится в образ* и видится *в этом образе и этим (таким) образом*, при этом, согласно Э.В. Ильенкову, видится глазами рода человеческого (вначале, разумеется, непосредственно глазами взрослых), а не просто с позиций потребности своего организма. В процессе совместно-разделенной деятельности со взрослыми у младенца и зарождается, формируется воображение как трансцендентальная *основа* для собственно ума. Итак, имеем в имплиците «способность суждения» *до* и *вне* всяческого суждения. Как известно, дети обладают удивительным умением точно «попадать» в конкретную ситуацию (разумеется, в пределах доступного им опыта), нежели мы, взрослые, общающиеся с ними.

Однако и в дальнейшем *продуктивное воображение* не покидает ткань способности суждения, более того – именно оно обеспечивает адекватную работу ума. Чтобы прояснить, понять конфигурацию конкретной ситуации ее непременно надо возвести в образ и изменять схему, форму собственного движения не как попало, не как вздумается, а в соответствии с содержанием образа. В этом смысле способность суждения и является, как говорит М.К. Мамардашвили, «средостением всех способностей» – и только в таком случае ее можно понять; сама же по себе, в отрыве от

других способностей она непонятна. Недаром же В.В. Давыдов утверждал, что воображение не является просто способностью наряду с прочими, оно есть *способность способностей*: способность обрести, освоить любую способность. Можно добавить: способность освоить способность суждения. Ведь в актах продуктивного воображения мы не просто предмет возводим в образ, но и *себя самих возводим в образ*, удерживаем себя в нем и *целостно в нем присутствуем* (В.В. Лимонченко). По-видимому, в таком контексте можно понять слова М.К. Мамардашвили: «Я говорил, что существуют некоторые условия формулировки законов, состоящие в том, что мы сами должны находиться в некотором упорядоченном состоянии, чтобы быть способными формулировать упорядоченности в мире» [4, с. 89]. «Упорядоченность» нашего собственного состояния обеспечивает как раз *продуктивное воображение*, как это парадоксально не звучит, поскольку обычно считается, что воображение рассеивает внимание, «отрывает от реальности».

Способность суждения, следовательно, не является простым подведением под то или иное «правило». Вспомним снова Канта: «<...> правило именно потому, что оно есть правило, снова требует наставления со стороны способности суждения» [3, с. 218]. Если способность суждения как таковая является собственно *умом*, то каким же образом она «наставляет» субъекта в деле адекватного применения «правил»?

Категории и «способность суждения»

Дело в том, что субъект подходит к предмету, реальности, ситуации не как некая *tabula rasa*, – он в мышлении своем уже содержит некое *всеобщее*, и это при том, что мышление не обладает «изначальной спецификой» по отношению к бытию. Это – *категории* как содержательные формы осуществления ума, которые «вмонтированы» в речь, в структуру суждений (открытие Канта, хотя уже у Аристотеля содержится такое понимание их). Разумеется, не язык порождает категориальный строй мышления, – категории вычлняются из толщи бытия в процессе чувственно-предметной деятельности (протекающей в той или иной общественной форме), будучи конкретно-всеобщими формами этой деятельности; непосредственно же они закрепляются в языке. Категории – формы мышления, тождественные всеобщим формам самого бытия.

Именно наличие категорий в составе ума позволяет ему увидеть, воспроизвести, в конце концов – понять ту или иную конкретную ситуацию. Увидеть смысл (эйдос) предмета возможно лишь вследствие его включенности в совместно-разделенную деятельность людей. А вот более или

менее точно разобраться в конкретной конфигурации предмета или ситуации можно лишь благодаря наличию в мышлении категорий. Что означает «разобраться», еще не подводя под то или иное «правило» (ибо до «разбора» и нечего, собственно, «подводить»)? – Взять качественную и количественную стороны вещи, найти ее меру, выявить причину, отследить форму, сквозь которую проступает содержание, отследить необходимые и случайные моменты и проч. Иными словами, «приложить» к вещи (ситуации) категориальную «сетку» (или, как говорит Гегель, набросить на вещь «алмазную сеть» категорий, внутри которой она только и станет сама собой, станет видимой).

Даже на уровне *простого здравого смысла* (который, разумеется, непременно «здрав» и является собственно «смыслом») сие «срабатывает» обязательно, непременно и непреложно, иначе люди на каждом шагу выглядели бы «слепыми котятками» в мире эмпирической повседневности и не смогли бы решить ни одной непосредственной и насущной житейской проблемы и задачи. Просто на уровне здравого смысла применение категорий происходит «за спиной» сознания, интуитивно, почти – инстинктивно. Однако *применение категорий* так или иначе происходит. Иначе ни о какой *способности суждения* не может идти речи, как и о мышлении собственно.

Откровенно глупый человек (с неразвитой или вообще напрочь *отсутствующей способностью суждения*) *не утруждает себя соотносением* своей схемы, формы, «правила» с *содержанием дела*, с природой вещи, ситуации. Он самоуверенно (и самодовольно) спешит приложить «свою мерку», «правило», схему к вещи, «вогнать» ее в эту схему и оценить ее по своей схеме, судить о ней на основе своего «правила». Сама же вещь схвачена им предельно *абстрактно*, в пределах чуть ли не одного-единственного «признака», зачастую просто случайного, и вот этот «признак» и подводится достаточно тупо под не менее абстрактное «правило». Вот почему *мыслить абстрактно*, как совершенно справедливо полагает Гегель, – значит мыслить некачественно, плохо, предельно односторонне, то есть – вообще не мыслить, а просто судить, судить-пересуживать *не по делу*, оставаясь в плену предрассудков и чисто обывательских пересудов. Мало того, что глупый человек *не утруждает себя* хотя бы элементарным размышлением, у него и *интуиция* просто не срабатывает. Интуиция, *умное созерцание* является работой *продуктивного воображения*, которое с откровенной глупостью несовместно. Бывает и такое, что именно откровенно глупые люди кичатся своей «интуицией», своим особым «*видением*», неким умением сходу без особого умничанья увидеть «*всю правду*» – они же «*всё знают*» и потому обо всём судят с претензией на безошибочность и окончательность. А вот правда-то здесь воистину одна: умение

сходу абстрактное выдать за конкретное, «свое» за всеобщее, несущественное – за суть дела, партикулярное – за универсальное. Бесконечно прав был великий Кант: «против этого недостатка нет лекарства».

Труд ума – каждый раз заново

Значит, мыслить – непременно *утруждать себя*, причем утруждать *содержательно*, по делу. Ум – штукавина весьма обременительная, тяжелая, предельно непростая, хотя, с другой стороны, находиться в *состоянии ума* – легко. Но лишь исключительно в том смысле, в котором говорил герой у Михаила Булгакова: «Правду говорить легко и приятно». Быть же в состоянии глупости, *отсутствия ума* – очень неприятно, по крайней мере для окружающих.

Вслушаемся в еще одно размышление М.К. Мамардашвили: «Когда мы понимаем, то это означает, что уже понимали. То есть, если вы в какой-то ситуации видите то же самое, что и я, – кто прав, кто виноват, – значит, вы *уже* понимали, а если не понимали, то уже никогда не поймете. Подумайте сейчас о себе, о вашем накопленном опыте – действует в вашем опыте такой закон или не действует. Если вы действительно подумаете, вы убедитесь, что действует. А он имеет забавное следствие, что *труд жизни, труд совести и труд ума – каждый раз заново*. И тогда установится интеллигентным образом то, что мы проделали, и мы увидим связь – то, что мы назвали добром, или истиной, или действительным состоянием дела. Но это *post factum*. Посредством же одного знания, что такое добро, не привлекая никаких дополнительных вещей, установить, что это – частный случай добра, правоты или частный случай вины – невозможно. Значит, фактически *ничто не может избавить нас* (и в этом странным образом содержится не физическая и не математическая, а гуманистическая мысль) *от труда жизни, от труда опыта*. Говоря “все заново”, мы имеем в виду какую-то все время перемещающуюся от нас вперед точку. Ее нельзя оставить позади, но ее нельзя и отложить – не выполнить в ней то, что ты призван выполнить. А призван ты, если сказать кантовским языком, увидеть в частной ситуации, в частном случае – закон (выделено курсивом мной – В.В.) [4, с. 91]. Иными словами, ты *призван к уму, призван мыслить*.

Эти слова М.К. Мамардашвили находятся в контексте его принципиальной установки «Человек – это постоянное усилие быть человеком».

Таким образом, получается, что *способность суждения* как таковая есть *труд ума*, который *каждый раз – заново*. И это понятно: как раз способность суждения категорически *отрицает* автоматизм, привычку, действие по шаблону. А «труд опыта», согласно М.К. Мамардашвили, состо-

ит не в простом количественном вхождении в новые и новые опыты, не в накоплении опыта, а в извлечении опыта из опыта, извлечении *уроков из опыта*. Я убежден, что без тщательной и напряженной работы (труда) ума подобное «извлечение» просто невозможно. Ум-то как раз остро необходим нам именно для подобного учения, «извлечения уроков». А уроки можно извлекать *только из опыта*, больше неоткуда. И вот от таких *трудов воистину праведных* «ничто нас избавить не может», если, разумеется, мы имеем надежду и *желание* оставаться людьми.

Кантовские идеи о способности суждения бесконечно продуктивны. Мыслить, находиться в состоянии ума, в умном состоянии необходимо всегда. И не надеяться на некие автоматизмы, алгоритмы, которые за нас решат наши проблемы.

В этой связи хочется обратиться к размышлениям Эвальда Васильевича Ильенкова относительно взаимосвязи науки и нравственности, логики и совести, доводов ума и нравственного чувства. Он спрашивает – существует ли при их сопряжении, столкновении, несовпадении какой-нибудь общий принцип, *общая формула*, автоматически обеспечивающая безошибочное решение? «Можно, разумеется, решить для себя раз и навсегда неукоснительно следовать “голосу совести”, “велениям сердца”, “стремлением к добру”, принципам абсолютной и бескомпромиссной честности, откровенности и прямоты вопреки всему и вся, вопреки предостережениям рассудка, учитывающего все обстоятельства. Можно, напротив, целиком положиться на разум, на трезвый расчет и учет всех обстоятельств, на математически строгий ум, доверяясь ему всегда – и там, где его доводы согласуются с непосредственной нравственной интуицией, и там, где они идут с ней вразрез. Какой из этих принципов предпочтительнее, какой из них правильнее?» [2, с. 193]. И вот точный, умный ответ великого диалектика: «Проблема отношения между нравственностью и научностью решена философией марксизма только в общем виде, в конкретных же ситуациях она долго еще будет воспроизводиться вновь и вновь, и каждый раз в новом и неожиданном повороте, а потому простого готового решения для каждого частного конфликта между “умом” и “совестью” нет и быть не может. Однозначного рецепта на все случаи жизни, вроде математической формулы, тут найти нельзя. Если вы попали в такой конфликт, не считайте, что всегда права “наука”, а “совесть” – вздор, сказка для малых детей. Не думайте и наоборот, что всегда право “нравственное чувство”, а наука, если она с ним повздорила, – это бесчеловечный и бессердечный “черт” Ивана Карамазова, плодящий смердяковых. Только разобравшись конкретно, откуда возник сам конфликт, можно решить его диалектически, то есть максимально умно и максимально гуманно, как говорят теперь

– найти “оптимальный вариант” согласования требований ума и совести. Конечно, в каждом отдельном случае конкретно-диалектическое единство принципов ума и нравственности найти нелегко. Иногда очень трудно. Но, к сожалению, нет “палочки-выручалочки” – простого “алгоритма” решения таких противоречий, ни “научного”, ни “морального”» [2, с. 205].

Нет и не может быть «готовых» решений сложных проблем, и слава Богу. Никакие «правила», «схемы», «модели» сами по себе не гарантируют от ошибочного применения их, если отсутствует способность суждения. *Думать надо*. Иные варианты – для слабых духом и умом.

Заключение

Таким образом, ум как таковой несет в себе диалектическую природу *изначально*. Она не «надстраивается» над рассудочными правилами и формами. В теоретически (читай – диалектически-рефлексивно) неискушенном уме диалектика «срабатывает» не дискурсивно, а скорее *интуитивно*. При этом, разумеется, интуицию следует понимать адекватно, а не привычно-абстрактно, то бишь – односторонне. Вспомним: И.А. Ильин в своей блестящей книге о Гегеле назвал немецкого мыслителя «выдающимся интуитивистом». И вот такая интуитивная диалектика в виде способности суждения (не без помощи продуктивного воображения) и «наставляет», говоря словами Канта, движение рассудка. Без способности суждения рассудок не просто беспомощен, он тогда и не рассудок вовсе, а некое бессмысленное нагромождение схем, правил, алгоритмов. Можно смело утверждать, что *самое разумное* в деятельности рассудка – это способность суждения. Именно ее развертывание в сознательную форму (с удержанием мощи рассудочной деятельности) и предстает переходом к собственно разуму как высшему синтезу сознания и самосознания. Если действительная школа призвана учить мыслить, то акцентация роли «способности суждения» в деле формирования ума представляется уместной, более того, – принципиальной. А для чего учить мыслить детей, подростков и юношей? Именно для того, чтобы они шаг за шагом *становились людьми* – в точном и полном смысле слова.

Список литературы

1 Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить! [Электронный ресурс]. – URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/sch/schola.html> (дата обращения 19.07.2022 г.).

2 Ильенков Э.В. Гуманизм и наука // Наука и нравственность. – М.: Политиздат, 1971. – С. 405-439.

3 Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.

4 Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. – М.: Аграф, 2000. – 320 с.

Transliteration

1 Ilenkov E.V. Shkola dolzhna uchit myislit! [School Must Teach to Think!] // URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/sch/schola.html> (data obrashheniya 19.07.2022 g.).

2 Ilenkov E.V. Gumanizm i nauka [Humanism and Science] // Nauka i npravstvennost. – М.: Politizdat, 1971. – S. 405-439.

3 Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason] // Kant I. Sochineniya. T. 3. – М.: Myisl, 1964. – 799 s.

4 Mamardashvili M.K. Kantianskie variatsii [Kantian Variations]. – М.: Agraf, 2000. – 320 s.

Wozniak V.S.

Dialectical Nature of the “Ability of Judgment”

Abstract. The article analyzes the dialectical nature of the “ability of judgment”, as it is presented in Kant’s philosophy. The “ability of judgment” is the actual mind as it is, a purely specific thinking, an independent search for an application of a general rule to a separate case, therefore there is inevitably a dialectic of generic, specific and single. Thus, the “ability of judgment” indicates the presence of the actual dialectical type of thinking in the depths of human mind itself. The work of the “ability of judgment” in the moral self-determination of man is considered. Attention is focused on philosophical and pedagogical significance of the “ability of judgment” formation.

Keywords: thinking, the ability of judgment, dialectics, abstract, specific, categories, pedagogy

Возняк В.С.

«Пайымдау қабілетінің» диалектикалық сипаты

Аңдатпа. Мақалада Кант философиясында көрсетілгендей «пайымдау қабілетінің» диалектикалық табиғаты талданады. «Пайымдау қабілеті» – бұл таза нақты ойлау ретінде, жалпы ережені белгілі бір іске қолданудың тәуелсіз ізденісінің өзі, сондықтан жалпы, жеке және жекенің диалектикасы сөзсіз болады. Демек, «пайымдау қабілеті» адам ақыл-ойының тереңінде дұрыс диалектикалық ойлау түрінің бар екендігін айғақтайды. Адамның моральдық өзін-өзі анықтауындағы «пайымдау қабілетінің» жұмысы қарастырылады. «Пайымдау қабілетін» қалыптастырудың философиялық-педагогикалық мәніне назар аударылады.

Түйін сөздер: ойлау, пайымдау қабілеті, диалектика, абстрактылы, нақтылық, категориялар, педагогика.